
*Моя поэзия – вот нищенка на свалке,
И я покорно погружаюсь в прах,
Какая честь высокая быть палкой
В её руках.*

Долгое мрачное синее «у» –
в вое бездомного пса на луну,
в звуке когтей по сырому песку,
в дуле, нашептывающем виску,
в рюмке, катающейся по кругу,
в шелке, стянувшем прозрачно и туго...

Синее «у» – как тоннель-переход
к жизни, дарованной нам в обиход...

Неугомонное шлепанье ног,
скрипы и вздохи, полночный звонок,
старый поляк с нафталиновым носом
греет колени в кальсонах с начесом,
то-о-о-нкий восток из каморки еврейки
тянется струйкой кошерной брыжейки,
густо заваренный чай полуночника,
ножик, испиленный до позвоночника,
синяя скатерть с пятном от мазута –
все атрибуты ночного уюта.

Всё, что история не приняла,
всё, что смахнула концом помела,

я подберу, сохраню, не нарушу
и положу в свою жадную душу.
1987

МИКРОПЛАСТИКА

...Виноградина зорче телескопа, ибо
в телескоп вовеки не узреть,
как трепещут в замкнутом изгибе
косточки, зачерпнутые в сеть...

* * *

...Я б родился на пальмовый лист,
зеленеющим соком умытый,
ах, зачем мне подставили сито,
я бы был непросеянно чист...

* * *

...Проснулась роза у ручья
и, выдохнув пчелой,
кольнула тоненькой иглой
пузырик бытия...

* * *

...Я нахожу по следу голоса
тропинку в хижину твою.
Так по изгибу трав и колоса
я ветер в поле узнаю...

* * *

...Упав на гордые колени,
Ушами чутко поводя,
Безмолвно молятся олени
Иконе, полной от дождя...

* * *

...Ничего не хочу, кроме
Как укрыться в густой кроне

И смотреть, как мимо ладоней
Ветер ветку с плодами клонит...
1987-89

САМАРКАНД

Горстка длинно-белых
И горячих слов —
Наполняет тело
Самаркандский плов.
Пальцы азиатки
В перстнях горят,
Раскуси — и сладкий
Брызнет виноград.
Из пиалы чая —
Лаки-лаки-та —
Дым — бедром качая,
Танец живота,
По бокам поглаживая, —
Лаки-лаки-тма —
В парандже оранжевой
Спелая хурма.
Мулы и верблюды.
Вездесущий свет.
В опустевшем блюде
Виден минарет.
В облако тугое
Скручена чалма
Хитрою рукою
Хитрого ума.
И из тонкой складки
Чуть раскосых глаз
Нож — кривой и гладкий —
Вылетает в вас.
1988

* * *

Не оттого ль себе я тошен,
Не оттого ль бессильна речь,

Что я колол, забыв из ножен
Свой меч отточенный извлечь.

Не оттого ли стал поэтом,
Что всё срифмовано кругом,
И всё, что есть на свете этом,
Желает рифмы на другом.

Не для того ль строка вторая
Сжигает первую дотла,
Чтоб строчка первая, сгорая,
Собой вторую не сожгла.

Не для того ль прием радушный
Приблудшей мысли строю я,
Что вслед за гостьей в полог душный
Вольется воздуха струя.

Не оттого ль слова дряхлеют,
Едва родившись – старики,
Что соблазнительно белеет
Челнок Харона у реки.

Не оттого ли холодею,
В объятьях скованный, как раб,
Что не разнимет Галатея
Из камня вытесанных лап.

Не для того ль за рюмкой стройной
Завис поникшей головой,
Чтоб в час полуденный и знойный
Быть на суку, но над толпой.

1989

* * *

В свете лампы, нависшей, как цапля,
В звуке лопнувшей тетивы

Твоя грудь – две ползущие капли
От горящей моей головы.

* * *

Мой милый нежный друг,
Мой сон и пробужденье,
Не в том ли наслажденье,
Чтоб всё менялось вдруг?
И снова вписан в круг
Любовный треугольник,
И я опять невольник
Меня обвивших рук.
1986

ЛЕНИНГРАД

...Буду я покручивать львиные хвосты,
буду я покачивать шаткие мосты,
снова я увижу, как афганская борзая
тянется от Невского до проспекта Мая.
Снова я разрушу Бельведеры торта,
и напьюсь мадеры с дружеской когортой,
и заврюсь, конечно, сам не замечая,
истинный поборник пряника и чая...
1988

* * *

Ты ищешь тему –
Брось, пустое.
Так тщится раб, уснувши стоя,
Увидеть сон о том, как спят,
Как царь, приставленный у пят,
Тревожит сумрак опахалом
Движеньем преданным и вялым.
Ты ищешь темы:
Где мы,
Кто мы?
На букву И – у нас истома,
На букву Е – у нас елей,
На букву Н – у нас налей,

И вновь, устав от вязкой дремы,
Ты вопрошаешь —
Кто мы,
Где мы?
И в благозвучьи этой темы
Не слышно, как стекает время
По длинной шее, по лопаткам,
И, с локтя капнув на лампадку,
Шипит, как рыбка на песке...
Ты веришь преданно тоске...
1989

* * *

Вот уж сутки на исходе,
как меня в любви зачали —
три четвертых части года
мне остались до печали.

Мне осталось так немного
позабыть, чтоб вспомнить позже —
у последнего порога
преступить и молвить: «Боже...»
1987 Петергоф, поезд

ПЬЯНОЙ ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ

Раскрыт, как заговор, кошель,
Но толку мало в том.
В метро луна не лезет в щель
И ни в какой проем.

На каждом дереве она
Развесила шары,
За кругом света не видна
Вся тьма ее норы.

Собакой трется между ног
Навязчивая стужа,
Квартал оглох и занемог
И запахнулся туже.

А окна вдавлены в дома,
Как гвозди в сапоги.
Эй, кто там выжил из ума,
Безумцу помоги!

1989

* * *

Твой взгляд, словно гвоздь, ржавеет в стене,
Он ищет в потемках руду.
Мне выпала честь, и велено мне
Торчать с ним в одном ряду.

Но вечность спасёт, меня извлекут
Лет тысячу-две спустя,
Свершат надо мной свой праведный суд
И сделают полгвоздя.

Нет правды – есть я, нет лжи – есть они,
Нет среднего – есть война.
Еще есть мудрец, сидящий в тени,
С пригубленной чаркой вина.

1987

ШАРЖ НА МИРОЗДАНИЕ

* * *

Вы раздеваетесь, в шкатулку
Ссыпая серпантин колец.
Так в сумрак приторный и гулкий
Сползает каплею мертвец.

* * *

– Я провожу?
– Да нет, сама...
Сошла по лестнице с ума,
Как струны тронула перила,
Толкнула дверь и озарила
Холодный кафель светом звезд.

* * *

...Две мухи в комнате спуют,
и хорошо: где мухи, там уют.
Бабулька – бульк! – и утонула в кресле,
чуть умерла – и надо же, воскресла...
Вы что это такусенькое вяжете, бабуля?
Варежку для дули?
дульки? дулицы?
Ах, пинеточки для пра-
пра-пра-пра-пра –
протарахтел грузовичок по улице,
как по лицу,
и на лице морщинки паутиной.
Всё связано канвой единой...
1987-89

* * *

В ту ночь, в ту осень золотую
в плену пространственных лекал
солдат, изысканно флиртуя,
в казармы деву увлекал.
Поэт восторженный и хрупкий
словами ловко торговал.
В яичных корчился скорлупках
разбитый целого овал.
И смысл тащился, соглядатай,
на искалеченных ногах
за каждым шорохом... Рогатый
болтался месяц на ветвях.